

СГИБЫ И РАЗРЫВЫ СКРИПТОВ

Г.В. ИВАНЧЕНКО

*...я ничего не могу изменить в движении
моих стихий, в движении к концу...
которые вместе и создают меня: мою душу.*

М. Цветаева. Записные книжки

*Просто сохнет свиток звездный,
Если дочитан до конца...*

З. Гиппиус

Что происходит, когда мы ставим решительную точку в скрипте? Мы можем продолжить и далее, передумав – так случается. Но иногда окончанием скрипту служит не точка или многоточие, не виньетка, а рваный край, по которому прошла линия разрыва. А сгиб скрипта, разве это не предшествующее разрыву действие – так мы сгибаем лист бумаги, чтобы ровно его разорвать. Впрочем, это чтобы отрезать, желательно «семь раз отмерить», а чтобы разорвать, линию намечать не обязательно. Разрывание по линии сгиба выглядит холодным (порой дьявольским) расчетом, а «просто» разрыв безогляден и непредсказуем. Перегибая, сгибая скрипт, мы выдаем и свои намерения, и свою нерешительность – начать с чистого листа все равно не получится, но и продолжать прежнее повествование невозможно. Сгибы скрипта – переход в иную плоскость самоанализа, к иной оптике видения себя, к иной глубине самопознания (не обязательно большей).

В «скриптизации» чуткий слух уловит и таинственную «крипту», и «скрипы» пера по бумаге или расшатанного письменного стола. Или даже – «Скрипка и немножечко нервно». В «сгибе» – гибель, уничтожение, но и: смелость перегиба через перила, ограждающие пропасть нашего возможного и опасного знания о себе и о мире. «Разрыв», рывок, осуществляемый разом, содержит отзвуком «ров», разъединительный и соединяющий одновременно.

Чтобы понять, чем скриптизация отличается «от более привычной вербализации (ословления) бытия, вообще от его языковой артикуляции и концептуализации <...> от тек-

стуализации и семиотизации» (М. Эпштейн), обратимся к латинским корням этого термина, происходящего от глагола *scribo*, «я пишу».

По мысли К. Пигрова, «рефлексия как обязанность философствования за две с половиной тысячи лет выработала универсальные и совершенные технологии *вербализации и скриптизации*, т.е. оглашения своего бытия и удвоения его в фиксированном слове» (http://anthropology.ru/ru/texts/pigrov/vita04_08.html). «Удвоение» представляется нам преумножением — скриптизация ведет скорее к многократному усилению, преумножению, интенсификации бытия. В *scriptito* — (*intens.* к *scribo*) — часто или много писать; иметь обыкновение писать, сочинять — отражена эта неутоляемая потребность, эта жажда, эта зависимость, придающая, однако, достоинство самому заурядному существованию (хотя справедливым будет и противоположное утверждение, в духе «*La fièvre des phrases te dessécha le coeur...*», — знаменитой фразы из письма матери Флобера к своему сыну — «Горючка фраз иссушила тебе сердце»).

Далее, *scriptor* — не только писец, но и секретарь, переписчик, писатель, автор, повествователь, составитель, законодатель, летописец, историк, поэт. Прообразом скриптора, говорит М. Эпштейн, являются «писец, писарь, писака, Акакий Акакиевич», и задается вопросом — «как видоизменяется этот тип в нынешнем осетенелом скрипторе, прилипшем к монитору?» Может быть, все же прототип скриптора — не писец как таковой, а нерасчленимое множество ролей и ипостасей пишущего субъекта? Прообраз потенциально содержит в себе все возможные «скриптизаторские» отношения к миру.

Scriptum — линия, черта; письмо, письменное сочинение, книга; но и — письменное выражение, текст, буквальное значение. *Ex scripto* — буквально, в соответствии с буквой. Здесь отражена противоположная или, лучше сказать, взаимодополнительная к интенсификации сторона скриптизации — фиксировать «как оно есть на самом деле», «как оно было в действительности», сводить потенциальность прошлого и настоящего к единственному запечатленному варианту.

Scriptura (процессуальная сторона письма) — писание, записывание, сочинение, надпись, буква закона, а также древнее значение налога на пастбища, платы за выпас (так и хочется сказать — за выпас твоих слов на цветущем лугу языка), и, наконец, очерк, очертание, линия. Сразу вспоминается стойкая тенденция в психологии представлять линейно жизнь, например, в направлении life-span psychology или в популярной психобиографической методике LifeLine Александра Кроника.

Итак, скриптизируя реальность, мы создаем потенциальное, возможностное измерение, и вместе с тем ответственно создаем и углубляем «настоящее». Хотя адресатом скриптов может быть и Другой, но в случае скриптизации воздействие на пишущего субъекта представляется гораздо большим, чем в случае вербализации, семиотизации и т.п.

Здесь мы подходим к одному из многочисленных противоречий и даже парадоксов скриптизации. С одной стороны, это одно из тех взыскательных занятий, которое «не читки требует с актера, / Но полной гибели всерьез». Быть на высоте своих скриптов, быть достойным той определенности, которая достигнута в скрипте. С другой стороны, личность противится завершенности, представлению о ней как о «совпадающей с самой собой», поскольку «подлинная жизнь личности совершается как бы в точке несовпадения человека с самим собой, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как внешнее бытие» (М. Бахтин)¹.

Противоречие между определенностью и незавершенностью разрешается не только понятием меры. Метафорически можно говорить о «живой» и «мертвой» скриптизациях как о живой и мертвой воде. Вторая, окончательно умерщвляя прошлое, превращает пестроту событий в логичный, последовательный, порой элегантный скрипт. Живая — придает жизнь уже почти высохшей и выцветшей реальности прошлого в ее многокрасочной и многозвучной непоследовательности и невнятице. (Прояснение прошлого — скорее следствие применения мертвой воды. То, что может выглядеть как затемнение, запутывание, сокрытие, может оказаться результатом использования живой воды.)

Тесную связь скриптизации с жизнетворчеством, на мой взгляд, можно проиллюстрировать через преодоление непоправимого и необратимого, и вместе с тем — с осознанием и пониманием скриптором пределов своего могущества.

Необратимость и непоправимость — понятия, кажущиеся очень близкими, я попыталась уже развести их экзистенциальные контексты в «Логосе любви»². Скриптизация вполне может как запустить процессы, имеющие своим результатом непоправимость, так и пытаться преодолеть необратимость — иногда не без успеха.

(Не)обратимость в большей степени относится к изменениям — кумулятивным или внезапным, «невозвратным» или обратимым. Более серьезные изменения обратимы с меньшей вероятностью: «Возвратность глагола «влюбиться» / невозвратность глагола «любить» (Евг. Бунимович). Могут меняться (правильнее было бы сказать — не могут не меняться) и отношения. Но для них, помимо способности к изменению как таковому, естественному в смысле древнего «все течет», важна возможность быть обновленными, под-правленными, «отредактированными».

У Михаила Эпштейна есть эссе «Черновики любви», где автор говорит о том, что «каждая сколь-нибудь продолжительная любовь — это история нескольких любовей, попыток полюбить заново, лучше, иначе. Любовь ищет себя и вдруг упирается в тупик, дальше которого она должна либо завершиться — либо переродиться. <...> Если проследить историю любви, сколько в ней таких вот вырванных, перечеркнутых страниц!» Совместно выстраиваемая любящими история (и предыстория) их отношений вполне может рассматриваться как скриптизация.

Отношения, как бы бережно или как бы небрежно к ним ни относиться, могут выйти за пределы приемлемых для той или иной стороны, причем скорее непоправимо, чем необратимо. Само слово «непоправимость» однокоренное с «править». Но и: момент выяснения — кто же прав. Поправимость подразумевает возможность «исправить» не только как вычеркнуть, вырвать, выбросить из памяти (здесь ты никогда не уверен, что другая сторона делает то же самое,

двигается в том же направлении...); но и — совместными усилиями подправить, по-новому расставить акценты. А когда уже вместе это никак не получается («а вы, друзья, как ни садитесь ...») — вот это близко необратимости. Парадоксальным образом необратимость предполагает прошедшее обращение: в горячую веру, в холодную любовь, в пламенную ненависть, в пост-скрипtum.

Внутрисистемные закономерности предохраняют систему отношений от «перегрева» или от космического холода трансцендентности (тем самым и от «обращения»). Такие трансформации, которые можно описать термином «обращение», малопредсказуемы. Это как нырнуть в кипящий котел старинных сказок или дать Медее выпустить из себя кровь.

Возможность трансформаций-обращений имплицитно присутствует и в других типах отношений. «Час ученичества — он в жизни каждой / Торжественно необратим...». Гениальная интуиция Марины Цветаевой, как представляется, относится к более широкому классу явлений, чем опыт ученичества, однако какого же рода необратимость характеризует именно ученичество?

Вполне очевидно, что в культуре возникают, живут и умирают относительно независимые от индивидов формы отношений учителя и ученика, отношений, благодаря которым достигается передача не только и не столько знания, но самой культурной традиции. Восприятие «живого знания» учеником перестраивает его сознание, и, на наш взгляд, можно говорить о двух базовых моделях преобразований такого рода. Первая из них предполагает изменение самой основы души ученика и метафорически может быть представлена как пересотворение, как алхимическое претворение, трансмутация.

В соответствии со второй моделью требуется достижение изоморфизма структуры опыта ученика опыту учителя (путем переструктурирования, подобном изменению узора в калейдоскопе при его вращении).

Можно также говорить об эпохах, культивирующих ту или иную модель (понятно, что в любую эпоху реализуются и обе эти модели, может быть, с разной вероятностью и в

разных пропорциях, а также и многие другие, анализ и классификация которых выходят за пределы данной статьи).

Как известно, Н.А. Бердяев различал в культуре эпохи критические и органические: в критические эпохи принято писать о чем-то, в органические пишут что-то. Непосредственное обнаружение жизни, ее глубин и вершин уступает в критические эпохи место скептическому отношению к возможностям познания и к самому существованию первооснов бытия. Нужен огромный творческий дар, пишет Бердяев, чтобы сказать что-то; сказать же о чем-то позволяет и относительно более скромное дарование.

В критическую эпоху ученик движим амбивалентным стремлением и как можно более походить на учителя, и максимально от него отличаться. Для этих периодов путеводителем по лабиринтам взаимоотношений, точнее, аренам борьбы Учителя и Ученика, предшественника и последователя, может служить «Страх влияния» выдающегося американского литературоведа Харольда Блума. Любовь поэта к своей поэзии, говорит Блум, должна исключать действительность всякой иной поэзии, кроме той, которая не может быть исключена, поэзии предшественника, с которой поэт первоначально отождествлял свою поэзию. Но в своем подражании предшественнику сильный поэт заходит настолько далеко, что кажется, словно предшественник ему подражает, а не наоборот. Разумеется, эта иллюзия не может не поддерживаться относительным равновесием двух сил — культивирования собственной индивидуальности и стремления создать и поддерживать нераздельное единство с предшественником.

Но «что-то» органической эпохи еще более, чем «о чем-то» критической, утверждает себя через преодоление, через отстаивание: «Я знаю правду! Все прочие правды — прочь!» (М. Цветаева). В органическую эпоху влияние Учителя из «воздействия» становится волшебством, превращением (необратимым!), тектоническим сдвигом. В случае, если учителем выступает Бог, речь может идти о пересотворении. Причем пересотворении радикальном — вплоть до замены мужской сущности на женскую — почти всегда, кстати, наоборот (чудо, «разволшебствованное» лишь хирургами

XX века). Показателен эпизод из апокрифического «Евангелия от Фомы»: «Симон Петр сказал им: пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны жизни». Иисус сказал: «Смотрите, я направляю ее, дабы сделать ее мужчиной, чтобы она также стала духом живым, подобным вам, мужчинам. Ибо всякая женщина, которая станет мужчиной, войдет в царствие небесное» (Евангелие от Фомы. 118).

И хотя чудо претворения, «чудо просветляющего прорения» (В.Л. Рабинович) возможно не только в органические эпохи, именно в эти времена «невыносимая легкость» трансмутации способна создать уровень творческого горения и напряжения, дающий возможность «сказать что-то».

Вернемся к необратимости: то, что не затрагивает других людей, не видится и не осознается ими, не является зависимым от их доброй или злой воли — чаще обратимо. Здесь воистину человек посредством скрипта может сделать бывшее небывшим, что не всегда по силам и Господу нашему; тем более если он использует скриптизацию как «опыт самопознания, самособирания и самосохранения».

Но есть особо глубокие, глубинные изменения в сознании, в самосознании, — изменения необратимые, как меняет мир первая же мысль о том, что ты полюбил; или — мир узнавшего наконец все Эдипа. Во мгновение ока и в сторону прошлого, и в сторону будущего меняется картина мира, перестраиваются линии главных событий. Отметим: *мысль*, что полюбил; *узнавшего* Эдипа. Ментальный компонент здесь неразрывно связан со словом, и не просто с вербализацией экзистенциального опыта, но с принятием или отвержением этой открывшейся сознанию субъекта истины.

Результаты самопознания представляются необратимыми: необратимость нового, усилением самопознания полученного знания о себе, переход к другой схеме, другому уровню, выход на метаяровень, к самым глубинным и «вершинным» проблемам в пределе, вспышка озарения, после которой невозможно — до новой вспышки — видеть иначе предметы и их связь, ситуацию в целом. Если уж произошло обращение, то обратно вернуться невозможно. Только чудо сделает тебя прежним. В сказках смешон и порой жа-

лок тот герой, который одно из бесценных трех желаний тратит на то, чтобы вернуть «все как было».

И здесь возможно продолжение и усиление понимания скриптизации как «опыта самопознания, самособирания и самосохранения». Это еще и опыт самоизменения — от намеренного, сознательного, программируемого до неосознанного и смутного. Хрестоматийное «душа ждала... кого-нибудь» иллюстрирует и наличие внутренней логики самоосуществления скрипта (по отношению к которому автор не является абсолютно всемогущим), и необходимость «точки опоры», которая требуется, чтобы «перевернуть землю», т.е. изменить главного субъекта — себя. По большому счету, изменения, сгибы, разрывы неизбежны и вызваны тем, что субъект — субъект действующий. Сигизмунд Кржижановский в «Философеме о театре» утверждает, что «в беседе с самим собой мы обращаемся то на «ты», то на «я» <...>, но как только мышление заменяется действием, мы тотчас сменяем «Я» на «Ты»: «Ты должен» <...> Каждый поступок, отрывающийся от «Я», разрывает его, хотя бы на миг, на «Я» и ты, проводит черту поперек души <...> Каждый поступок — проступок, так как человек после него не цел. Особенно это ясно в случаях с так называемой совестью: совесть — есть двойное знание или соведение: видишь себя — и как прежнее «я», и как новое, еще чужое ты; со-ведение всегда после поступка и тщетно пытается соединить свои два ведения в одно; новый поступок углубляет черту между двумя «Я», усиливая срачивающие усилия совести...»³.

Встреча с собой оказывается вспышкой молнии акта самопознания, освещающей то ли *возможность* изменения, то ли его *необходимость*. Феноменологически есть трансформация и трансформация. Свободно избранная или пережитая как внутренне обусловленная; или вынужденная, тягостная, неохотно начинаемая. И то, что ты вдруг шагаешь в пропасть головокружительного и негарантированного превращения, может выступать как верность себе, как высшая и подлинная верность себе.

Клод Зильберберг предлагает исследовать страсть, «тенсивное пространство», в частности, с «поверхностной» точки зрения — как «симулякр переплетения состояний и со-

бытий, порой просто актуализированных, а порой — переживаемых субъектом «против своей воли»⁴. Причем субъект может трактовать свою радикальную трансформацию как вызванную неодолимыми внешними силами, чаще тогда «против его воли», либо вызванную собственной волей. Возможны и сочетания в той или иной мере: например, в страстной молитве о забвении (по сути — мольбе о такой трансформации, которая уничтожит тесную мучительную связь с прошлым). Так же и скрипт может содержать ту версию, которая призвана освободить скриптора.

Однако можно ли вообще говорить о вынужденной трансформации? Не есть ли метаморфоза синоним свободы, или, лучше сказать, пути? Габриэль Марсель определяет восхищение как преодоление инерции: «Вырвать нас прежде всего из нашей погруженности в самих себя — вот в чем, без сомнения, сущность восхищения. Оно является активным отрицанием определенной внутренней инерции и может пониматься не только как порыв, но и некое вторжение (глагол «затоплять», в данном случае, несомненно, отвечает реальности). Подобное вторжение может случиться лишь в глубине того, кто не образует с самим собой замкнутую систему, герметически закрытую, внутри которой невозможно возникновение чего-то нового»⁵.

То, что человек переживает в монадической замкнутости (пусть почти всегда кажущейся) своего мира, довольно редко оказывается необратимым. Но то, что вплетено во взаимодействия с другими, то, что сказано и услышано, и отозвалось болью ли, радостью, равнодушным невниманием ли, — необратимо почти всегда. В любом из этих случаев, трансформировавшегося субъекта противотоком волны изменений вбрасывает в его прежнее «Я». Попытка скриптизации неизбежно так формирует отношение к себе изменившемуся, что оно напоминает отношение к Другому. Даже если это не «отталкивающее самообожание», оно есть «узурпация права другого на милость и милование» (М. Бахтин). Но что если нет желаемого и даже допустимого модуса отношения к себе прежнему? Любовь и принятие — узурпация места Другого; ненависть и презрение — непродуктивное самоотрицание; равнодушие — победа энтропии над

живым и творческим началом, равно-душие, выравнивание и сглаживание живых и плещущих различий. Возможно, что «правило допустимости» формулируется в точности как спинозовское «не плакать, не смеяться, не проклинать, но понимать».

В трактовке «разрывов скрипта» как проявления всемогущества субъекта также следует быть осторожным. Зинаида Гиппиус писала одному из своих адресатов не без самолюбования: «С собой я могу сделать все, что захочу». Но в какой степени возможность «сделать с собой все, что захочу» является признаком, во-первых, подлинного знания себя, во-вторых, подлинно развитой и действительно сильной воли?

Знание себя вовсе не предполагает — или, скажем точнее, предполагает в самых исключительных случаях, — умения вычеркнуть как несуществующие, уничтожить свои мотивы и желания, свое прошлое, так тянувшееся в будущее, с такой силой и страстью.

Если скриптор всемогущ лишь условно, то и возможности скриптизации небезграничны. Наметим лишь несколько возможных граней: в скрипте мы отсекаем лишнее. Но «лишнее» не только и не столько «избыточное», сколько «лишенное» необходимости, зрелости, аутентичности, ценности для нас. Порой мы ошибаемся, и сильно, но логика скрипта сильнее и выраженнее жизненной логики, и нам проще нащупать правильный путь, скриптизируя реальность.

Скриптизация ведет нас *a realia ad realiora*, от реального к реальнейшему, но есть в ней неотъемлемое бессилие потусторонности, в том смысле, что скриптизация бытия есть «письмо с того света», письмо себе с того света, забежавшее вперед и глядящее на нас со стороны нашей будущей смерти оплотнение и определение нашего мятущегося и живого «Я». «Так души смотрят с высоты / на ими брошенное тело..» (Ф. Тютчев), или: «Конверт какой-то странный, странный, / Как будто даже самодельный, / И штемпель смазанный, туманный < ...> И марка странная, пустая <...> Тебя заверить в знак вниманья / В размытом нашем, повсеместном, / Ослабленном существованье» (А. Кушнер).

В конце концов, искушению скриптизацией противостоят не менее властные соблазны:

*Убежать в глухие овраги,
Схорониться в соевом дупле
От пера, колдуньи-бумаги,
От жестоких книг на земле*

Н.Клюев.

Примечания

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 69.

² Иванченко Г.В. Логос любви. М., 2007. С. 82 – 92.

³ Кржижановский С. Философема о театре // Собр. соч. в 5-ти тт. Т.5. СПб., 2006. С. 67.

⁴ Зильбергер К. Предисловие // Греймас А., Фонтаний Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души. М., 2007. С. 21.

⁵ Марсель Г. Ты не умрешь. СПб., 2008. С. 21.